

УДК 82-43

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-270-281

МИФ О СИБИРИ В ЗАПИСКАХ О ТОБОЛЬСКЕ АВГУСТА ФОН КОЦЕБУ И ТРАВЕЛОГЕ АДОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»

С. Н. Аверкина, А. Ю. Курмелев, А. А. Логинова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

В современном отечественном и зарубежном литературоведении изучение травелогов и литературы о путешествиях является одним из приоритетных направлений. Данная статья посвящена особенностям формирования мифов, связанных с топонимами, имеющими существенное культурное значение. Методологическую базу исследования составили работы по проблемам компаративистики и рецептивной эстетики. В качестве основных методов исследования можно выделить культурно-исторический и психологический. Также используется методика пристального чтения. В основу статьи положено представление о том, что рельефы, ландшафты и названия населённых пунктов участвуют в формировании имажологических моделей и влияют на восприятие образа страны в сознании исследователей, путешественников, обывателей. Эта проблема волнует писателей, историков и философов, начиная с Античности. До настоящего времени она не утрачивает своей актуальности, поскольку миф обладает мощным генеративным потенциалом, находится в постоянном становлении, дополняется, изменяется, реализуется в новых смысловых контекстах. Изучение мифа – например, мифа о Сибири – не может быть закончено в какой-то определенной момент; миф не может быть зафиксирован в определенном застывшем варианте. Новизна исследований такого типа связана, с одной стороны, с появлением новых сведений, материалов, научных открытий, художественных и публицистических текстов, с другой стороны — с поиском новых подходов к изучению проблемы. В исследовании больший акцент делается на второй позиции. Вместе с тем новым оказывается и сравнение двух значимых текстов эпохи. В качестве материала в статье рассматриваются два травелога: книга «Россия в 1839 году», написанная Кюстином в разгар николаевской реакции, и «Записки о городе Тобольске» известного немецкого писателя и драматурга Августа фон Коцебу. С художественной точки зрения текст де Кюстина гораздо богаче текста Коцебу, однако он имеет достаточно узкую смысловую направленность: перед читателем предстает свод ужасающих фактов, подтверждающих отсталость, жестокость и безысходность жизни в России. Кюстин критикует решительно всё: ему не нравятся дороги, порядки, отсутствие комфорта. Записки Коцебу, напротив, нельзя назвать стилистически богатыми, однако из них читатель получает куда больше сведений о «чужой», «сказочной», «притягательной» Сибири. Именно благодаря популярному в первой половине XIX столетия драматургу Россия по-новому открывается европейскому читателю. В некотором смысле Коцебу закладывает фундамент будущей популярности России для дерзких путешественников – А. фон Шамиссо, А. Дюма и многих других. В качестве методологической базы используются труды по семиотике,

имагологии, антропологии и литературоведению. Центральный тезис работы заключается в том, что имагологический миф является продуктом коллективной, осязаемой, подхваченной несколькими поколениями культурной памяти. «Метафизика ландшафта» раскрывается на основе изучения травелогов. При этом нарратив путешествий является формой социальной практики, позволяющей создавать «географические метаобразы»: от пред-образа, созданного под влиянием авторитетных источников и стереотипов, путешественник приходит к восприятию живых образов, вступающих в конфликт с первыми. Именно в результате этого столкновения появляется конструкт, который вторгается в культурное пространство и влияет на последующую рецепцию феноменов. Через соединение географических, политических и социальных представлений с психологическими и соматическими элементами рождается сложная морфология образа. Представляется, что на примере двух похожих по типу, но противоположных по целеполаганию травелогов можно наблюдать, как амбивалентный миф о Сибири проникает в европейскую культуру, переживая постоянное развитие. Сегодня рецепция этого феномена продолжается с новой силой, особенно в условиях сложной геополитической ситуации, споров некоторых зарубежных соседей о правомерности использования богатств Сибири одной державой. Исследование имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Его результаты могут быть использованы на занятиях по истории зарубежной литературы, теории и практики межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: миф о Сибири; компаративистика; ландшафтные метафоры; травелог; метаобраз.

Цитирование: Аверкина С. Н., Курмелев А. Ю., Логинова А. А. Миф о Сибири в записках о Тобольске Августа фон Коцебу и травелоге Адольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (64). С. 270–281. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-270-281.

The Siberian Myth in August von Kotzebue's *The Tobolsk Sketches* and Marquis de Custine's Travelogue *La Russe en 1839*

Svetlana N. Averkina, Anton Yu. Kurmelev, Alexandra A. Loginova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

In modern Russian and foreign literary studies, the study of travelogues and travel literature has become a priority area. The present study examines the peculiarities of the formation of myths associated with the topoi of not only geographical, but also of considerable cultural significance. Leaning on the methodology of comparative studies and receptive aesthetics, the authors utilize cultural-historical and psychological methods as well as the method of close reading. The article is based on the idea that landscapes and names of settlements participate in the formation of imagological models and influence the perception of the image of a country in the minds of researchers, travelers, and ordinary people. This problem has been of interest to writers, historians and philosophers since Antiquity and has not lost its relevance, because myths have a powerful generative potential and continue to be formed, added to, supplemented,

changed, and implemented in new semantic contexts. Therefore, the study of myths – for example, the myth of Siberia – cannot be completed or finished at any specific moment, since myths cannot be fixed in any constant, immutable version. The novelty of this type of research is connected, on the one hand, with the constant influx of new information, materials, scientific discoveries, fiction, and journalism related to the problem at hand, and, on the other hand, with the continuing search for new approaches to the issue, which is one of the emphases of the present study. Another novel aspect of the present research is a comparison of two texts relating to the same time period: the essay *La Russie en 1839*, written by de Custine in the midst of Nicholas I's very conservative and restrictive reign, and *The Tobolsk Sketches* by the famous German writer and playwright August von Kotzebue. From the literary point of view, de Custine's text is much richer than that of Kotzebue, but it has a rather narrow semantic orientation: the reader is presented with a set of horrifying facts confirming the backwardness, cruelty, and hopelessness of life in Russia. Custine criticizes absolutely everything: he does not like the roads, the order of things, or the general lack of amenities. Kotzebue's notes, on the contrary, cannot be called stylistically rich, but from them the European reader receives much more information about the "alien," "fabulous," and "attractive" Siberia, discovering Russia in a new way. In a sense, Kotzebue lays the foundation for the future popularity of Russia for daring travelers such as Adelbert von Chamisso, Alexandre Dumas, and many others. Leaning on fundamental and contemporary theoretical literature on semiotics, imagology, anthropology and literary studies, the authors posit that myth is a product of "collective, tangible, picked up by several generations cultural memory" and apply M. Yampolsky's thesis about the metaphysics of landscape to the study of travelogues. At the same time, the narrative of travel is a form of social practice that allows one to create "geographical meta-images": from the pre-image created under the influence of authoritative sources and stereotypes, the traveler comes to the perception of living images that conflict with the former. As a result of this collision, there emerges a new construct that invades the cultural space and affects the subsequent reception of phenomena. Through the combination of geographical, political, and social representations with psychological and somatic elements, a complex morphology of the image is born. It seems that using the example of two travelogues, similar in type, but opposite in reasoning, one can observe how the ambivalent myth of Siberia penetrates into culture, experiencing constant development. Today, the reception of this phenomenon continues with renewed vigor, especially in terms of the increasingly complex geopolitical situation and disputes between several neighboring countries about whether it's legitimate that only one country should use the wealth of Siberia. The study has not only theoretical but also practical significance. Its results can be used in university courses in the history of European literature and theory and practice of intercultural communication.

Key words: the Siberian myth; comparative studies; landscape metaphors; travelogue; meta-image.

Citation: Averkina, Svetlana N., Kurmelev, Anton Yu., Loginova, Alexandra A. (2023). The Siberian Myth in August von Kotzebue's *The Tobolsk Sketches* and Marquis de Custine's Travelogue *La Russe en 1839*. *LUNN Bulletin*, 4 (64), 270–281. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-64-4-270-281.

1. Введение

Рельефы, ландшафты и названия населенных пунктов чрезвычайно важны при формировании культурных мифов и влияют на восприятие образа страны в сознании исследователей, путешественников, обывателей (Appleyard, Lynch, Myer 2017; Greimas 1983; Bell 2003). Эта проблема не нова, однако ее значимость столь велика, что она снова и снова становится предметом изучения специалистов разных областей знаний (Bassin 1999). Одной из центральных категорий в исследованиях по данной теме оказывается «коллективная, осязаемая и подхваченная несколькими поколениями культурная память» (Подорога 1993: 233). Формула, метко выведенная В. Подорогой, метафорически поясняет основную идею статьи: «Место порождает событие, событие развивает мысль, мысль приводит в пределы немислимого, место немислимо» (Подорога 1993: 234).

Другой учёный, на работы которого ориентирована методология данной статьи, Мартин Хайдеггер, связывает стиль письма и мышление с природными феноменами. В книге *Einführung in die Metaphysik* («Введение в метафизику») автор выделяет две категории: *das Raum* («пространственность») и *der Ort* («место»). При этом «место» атрибутируется как более частное, физическое явление, а *das Räumen* — как более метафизическое явление, определяющее не только условия и образ жизни, но судьбу, характер и выбор идеалов людей, живущих на этой территории (Heidegger 1983: 206).

«Место» исследуют учёные, философы же наиболее чувствительны к влиянию *genius loci*. Так, у авторов, развивавшихся под влиянием горных топосов, в письме узнаются «метафорические рисунки горных троп», у жителей приморских поселений, «морской дух» чувствуется и в способе описания мира (Ямпольский 2000).

Тема связи природы и национального характера подхвачена и литературой, часто биографической. В качестве иллюстрации хотелось бы привести цитату знаменитого русского философа Василия Розанова. В эссе «Русский Нил», вспоминая о детстве на Волге, он пишет следующее: «Дождь идёт!» — Что такое делается в мире? — «Дождь идёт». Для чего мир создан? — «Для того, чтобы дождь шел». Целая маленькая космология, до того невольная в маленьком ребенке, который постоянно видит, что идут только дожди. — Будет ли когда-нибудь лучше? — «Нет, будут идти дожди». — На что надеяться? — «Ни на что». Пессимизм. Мог ли я не быть пессимистом, когда все мое детство, по условиям тогдашней нашей жизни зависевшее всецело от ясной или плохой погоды, прошло в городе такой исключительной небесной «текучести». «Течет небо на землю, течет и все мочит. И не остановить его, и не будет этому конца» (Розанов 2015: 34–35).

Это яркое воспоминание помогает лучше понять философию Розанова, в значительной степени определившего вектор развития модернистской мысли первой половины XX века. Однако более всего о месте, его характере и характере пишущего может сообщить тот, кто любит путешествовать. Проблеме переосмысления реального опыта в художественном дискурсе посвящено данное исследование.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала для исследования выбрано два травелога, написанные под впечатлением вынужденной поездки Августа фон Коцебу (1761–1819) в Тобольск и путешествия Альфреда де Кюстина (1790–1857) по России. Эти тексты написаны примерно в одно и то же время, но носят противоположный оценочный заряд, что даёт большие возможности для сравнения и помогает определить разнозаряженные полюса при формировании мифа о Сибири в европейской культуре. Методологическую базу исследования составили работы по проблемам компаративистики и рецептивной эстетики. В качестве основных методов исследования можно выделить культурно-исторический и психологический. Также используется методика пристального чтения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Классификация травелогов

Исследование травелогов — продолжение заданной темы. Она оказалась в центре внимания В. Подороги (Подорога 1993), Д. Замятина (Замятин 1999), М. Ямпольского (Ямпольский 2001). Очень интересным представляется исследовательский проект Е. Милюгиной «Русская культура в зеркале путешествий» (Милюгина, Строганов 2013).

Путешественник не всегда объективен (White 2004). Необходимо учитывать интенсивность движения и понимания. Чаще всего глаз видит парцильно, субъективно. Многое домысливается. Дмитрий Замятин подчеркивает, что нарратив путешествий является «формой социальной практики, позволяет создавать географические метаобразы» (Замятин 2000). По мнению исследователя, происходит следующий когнитивный процесс: сперва у путешественника есть пред-образ, созданный под влиянием авторитетных источников и стереотипов одновременно; затем возникает конфликт пред-образов и живых образов. Именно в результате этого столкновения появляется конструктор, который вторгается в культурное пространство и, в свою очередь, влияет на последующую рецепцию феноменов. Через соединение географических, политических и социальных представлений с психологическими и соматическими элементами рождается сложная морфология образа

(Portugali 1990; Jackson, Hudman 1990). Путешествующий и пишущий о путешествии открывает обновленный мир (Đurišin 1992).

Важно понять также цель путешествия, хотя многие типы путешествий переплетаются. Традиционной считается следующая типология:

- путешествие с познавательной или научной целью (например, записки И. А. Виноградова «Археологической экскурсии в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич», Ф. Н. Глинки «О древностях в Тверской Капелии» и др.);

- увеселительные поездки (например, воспоминания А. Н. Греча «Венок усадьбам», «Каникулы 1844 года» А. И. Ишимовой, «Путевые впечатления в России» А. Дюма);

- репрезентативные или «показательные» путешествия (путешествия аристократов и членов царской семьи, крупных чиновников с целью увидеть жизнь народа и улучшить «имидж» власти (см. «Путешествие по России с цесаревичем Александром Николаевичем» В. А. Жуковского (1837), записки «По Северу России» К. К. Случевского, «Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 гг.»));

- поэтически-философские поездки (например, «Письма русского путешественника» (1789–1790) Н. М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева, «Записки моряка-художника» А. П. Боголюбова, воспоминания Ф. Шумана «Путешествие в Россию в 1844 году», произведение А. Шамиссо «Путешествие на бриге “Рюрик”»). В этом типе травелогов максимально силен накал эмоций, сочетающийся с анализом социальной, исторической и культурной действительности (Майга 2014).

Избранные для анализа тексты имеют черты нескольких типов травелогов, что делает сравнение особенно продуктивным (Đurišin 1984). Сибирь показана в текстах Кюстина и Коцебу не только как поэтический топос, но и как реальное географическое явление.

3.2. Сибирь как символ заточения в эссе Маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году»

Как уже было отмечено выше, в качестве объекта рассмотрения в статье выбрано два травелога: «Россия в 1839 году» маркиза де Кюстина и «Записки о городе Тобольске» А. фон Коцебу. Эти тексты написаны с разной целью. Коцебу помогает русскому правительству понять ошибочность его ссылки в Тобольск, создавая гимн летней Сибири, русской монархии и Павлу I лично. Маркиз де Кюстин, напротив, имеет целью разоблачить опасного политического монстра, какой ему и направившему его правительству виделась Россия.

Начать хотелось бы в обратном хронологическом порядке, с эссе «Россия в 1839 году», написанного Кюстином в разгар николаевской реакции. С художественной точки зрения этот текст гораздо богаче текста Коцебу. Однако имеет достаточно узкую смысловую направленность. Перед читателем предстает свод ужасающих фактов, подтверждающих отсталость, жестокость и безысходность жизни в России. Кюстин не доволен всем. Его ужасают нравы, бытовой уклад, состояние дорог, антисанитария, дискомфорт: *...Дорога из Ярославля в Нижний на большом протяжении похожа на широкую, прямую парковую аллею. С обеих сторон идут две другие аллеи поуже, покрытые зелёным ковром и обсаженные срезами. Дорога эта отличается мягкостью, потому что путешественник почти все время едет по траве, если не считать болотистых участков, которые приходится пересекать по зыбким бревенчатым мосткам. Последние таят в себе немало опасностей и для коляски, и для лошадей* (Кюстин 2023).

Ненависть и презрение Кюстина к России выражается ещё более ярко в недовольстве природой страны: *Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина, без красок, без очертаний; вечные болота, на горизонте — низкорослые жалкие рощи и вдоль дороги — серые, точно вросшие в землю лачуги деревень и каждые тридцать — пятьдесят миль — мёртвые, как будто покинутые жителями города, тоже придавленные к земле, тоже серые и унылые, где улицы похожи на казармы, выстроенные только для манёвров. Вот вам, в сотый раз, Россия, какова она есть* (Кюстин 2023).

Кульминацией в тексте считается эпизод, в котором Кюстин без огорок представляет европейскому читателю Россию как тюрьму. Для него всё здесь за пределами столицы — Сибирь, а все дороги ведут в ссылку. Кюстин описывает очередную дорожную аварию. На недовольство путешественника проводник замечает, что это «плохая дорога» — «большая сибирская». Кюстин описывает состояние ужаса, который пережил, увидев неподалёку отряд вооружённых казаков, которые конвоируют сосланных в Сибирь оборванных и голодных людей. Он понял, что это не миф и не газетная выдумка:

От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Зима и смерть, чудится вам, бессменно царят над этой страной. Северное солнце и климат придают могильный оттенок всему окружающему. Спустя несколько недель ужас закрадывается в сердце путешественника. Уж не похоронен ли он заживо, мерещится ему, и он хочет разорвать окутавший его саван, бежать без оглядки из этого сплошного кладбища, которому не видно ни конца, ни края. Подавленный такими невеселыми думами, ехал я по большой сибирской дороге... (Кюстин 2023).

Так, не описывая север России как реальный топос, Кюстин настойчиво проводит мысль о том, что все дороги здесь ведут в холодное Зауралье, все люди пленники, обреченные на смерть, а вся Россия и есть Сибирь.

3.3. «Записки о городе Тобольске» А. фон Коцебу как панегирик истинно русскому духу

Иначе формируется образ Сибири в записках известного немецкого писателя и драматурга Августа фон Коцебу «Записки о городе Тобольске» (*Das merkwürdige Jahr meines Lebens. Als Verbanner in Sibirien*, 1801).

Сегодня Август фон Коцебу не очень известен широкой публике. А в театральных репертуарах вряд ли найдутся его пьесы. Однако при жизни он был более знаменит, чем Гёте-драматург, а в России его пьесы ставились практически каждые полгода. Коцебу был настолько плодовит, что возникали сомнения, один ли он пишет свои тексты. Вместе с тем очевидна и его склонность к популизму, балансирование на грани высокой и массовой литературы. Популярность автора привела в начале XIX века к тому, что его записки о ссылке в Сибирь нашли бурный отклик и стали бестселлером.

В тексте воссоздается несколько экзотический для Коцебу, но радующий его облик города — резиденции генерал-губернатора. Автор описывает «причудливую природу, климатические аномалии, бытовую экзотику, общество и местную элиту Тобольска» (Штайнке 2015: 71), с которой он познакомился за 14 дней своего пребывания в сибирском городе. Далее он был отправлен к месту назначения в Курган и вскоре возвращен в Санкт-Петербург по личному распоряжению императора.

Вся история покрыта тайной, начиная с пленения прекрасно известного в то время писателя, долго жившего в России и слывшего русским патриотом, заканчивая его триумфальным въездом в столицу империи и неофициальным назначением его российским корреспондентом в Европе. Именно эта деятельность драматурга привела его к трагической смерти от руки фанатичного студента, изучающего теологию в Манхейме Карла Санда, выступившего против распространения в Европе российского влияния.

В современной германистике едва ли можно найти много работ о сибирской ссылке драматурга. Одной из самых серьезных является статья Клауса Штайнке «Записки Августа фон Коцебу о Тобольске начала XIX в.: к восприятию Сибири немцами». Автор статьи отмечает небывалый для такого скромного сочинения успех книги, неоднократно переизданной в XIX в. (Штайнке 2015: 71).

Автор приводит основательный анализ самого сочинения Коцебу, обращает внимание на то, что драматург выступает в нем одновременно как путешественник-исследователь (см. первый тип травелогов в приведенной выше типологии), как аналитик, исследующий социальный и политический

уклад северной части России и как художник, переживающий сложный комплекс эмоций, оказавшись в самой загадочной, почти фантастической части материка. Вместе с тем Штайнке показывает, как текст Коцебу помогает разрушить утвердившийся в Европе миф о страшной Сибири, захваченной казаками по царскому указу, приводит свидетельства романтического восприятия этого мифа в современной немецкоязычной литературе и указывает на значимость таких текстов в формировании межкультурного диалога.

Сочинение Коцебу сопоставляется с другими, более поздними произведениями «литературы арестантов и пленных» и путешественников. Однако именно Коцебу можно назвать этнографом-первопроходцем.

В фокусе внимания Коцебу не история Сибири, а, скорее, бытовые штрихи, описывающие знакомство со ссыльными разных общественных слоев и национальностей. Самой известной считается сцена въезда автора-пленника в Тобольскую губернию. Едва оказавшись на этой территории, он встречает старика, который живет здесь уже больше тридцати лет, из-за чего тронулся рассудком. Он просит Коцебу, совершенно незнакомого человека, передать письмо от родственников в Ревале, которые путешественник должен был привести из немецких земель. Уже в начале текста включается сказочный и сентиментальный хронотопы.

Открывшийся с Иртыша вид странного по внешнему облику города (с кремлем, непривычными, но красивыми и новыми домами-усадебками, причудливыми по архитектуре церквями и грандиозным дворцом генерал-губернатора) поражает и заколдовывает писателя. Автор забывает о заточении и занимается изучением местных нравов. Знать говорит по-французски. В театре ставятся его пьесы. Губернатор ссыльной столицы оказывается невероятно гостеприимным и симпатичным человеком: *...und, die Wahrheit zu gestehn, mir selbst war es höchst unerwartet, in einem so entfernten, rauhen Erdwinkel so viele Bekannte, ja, ich darf sagen, so viele teilnehmende Freunde zu finden* (Kotzebue 1989: 213) / *...и, правды ради, я и сам не мог ожидать, что в столь удалённом, нетронutom цивилизацией месте, я смогу обрести столько участливых друзей* (перевод здесь и далее — С. А.).

Каждый день его приглашают на вечера к местной знати. Вместе с тем он не забывает интересоваться и жизнью простого народа, изучает природу. Большое впечатление на путешественника оказывает местный пестрый базар, многонациональный, многоголосый, богатый причудливыми товарами. Пугающий всех иностранцев климат Сибири он называет весьма здоровым, наивно замечая: *Übrigens ist dieses rauhe Klima ist sehr gesund. Mein Arzt kannte nur zwei herrschende Krankheiten die sich leicht vermeiden lassen. Die eine ist die Lustseuche; die andere sind häufige Erkältungsfieber* (Kotzebue 1989: 213) / *Собственно этот суровый климат весьма здоров. Мой врач знал*

только две распространённые болезни, которых можно легко избежать. Одна — дурная болезнь, другая — частая простудная лихорадка.

Его поражает контраст между страшной жарой летом (с летними же комарами-великанами) и суровой ледяной зимой. Коцебу замечает, что при таких температурах замерзает даже ртуть, что должно было поразить образованного европейского читателя.

Он подробно описывает сад губернатора, растительность, особенности ландшафта, сибирский способ мостить улицы свежими досками — на сезон. Все это наивно и условно. Коцебу предстает как «дилетант в ботанике». Но эти неточные подробные детали формируют миф о Сибири как стране изобилия, некоем северном Эльдорадо и приводят к тому, что в скором будущем многие путешественники-романтики, такие как А. Шамиссо, направятся на поиски приключений в далёкий экзотический неизведанный мир.

Особенно поражает тот факт, что несмотря на своё трудное положение, Коцебу не жалуется на судьбу, а с интересом наблюдает жизнь, что подчеркивает его писательский темперамент. Во всем он винит не Павла I, а подлых чиновников — единственный класс представителей России, который описан в записках с ненавистью и презрением.

4. Заключение

Заключая, можно вслед за К. Штайнке утверждать, что «тесные связи Коцебу с Россией уберегли его от того, чтобы своим произведением укрепить общую современную неприязнь к ней» (Штайнке 2015: 81).

На примере двух похожих по типу, но противоположных по целеполаганию травелогов можно наблюдать, как амбивалентный миф о Сибири проникает в европейскую культуру, переживая постоянное развитие (Bassin 1991; Gilbert 2021). И сегодня рецепция этого феномена продолжается с новой силой, особенно в условиях сложной геополитической ситуации, споров некоторых зарубежных соседей о правомерности использования богатств Сибири одной державой.

Современная российская культура, в свою очередь, участвует в развитии данного дискурса, предлагая сложные полемические тексты, фильмы, размышления специалистов, такие как проект Леонида Парфенова «Хребет России», роман Алексея Иванова «Тобол» и многие другие.

Очевидно, что заявленная тема не может быть исследована на материале всего двух небольших текстов. Однако это сопоставление дает перспективу дальнейших исследований, предлагает определенную методику анализа формирования и бытования мифа о Сибири в большом культурно-историческом контексте.

Список литературы / References

- Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. [Zamyatin, Dmitriy N. (1999) *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoi geografii* (Modeling of Geographical Images: The Space of Humanitarian Geography). Smolensk: Ojkuмена. (In Russian)].
- Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 255–275. [Zamyatin, Dmitriy N. (2000) *Fenomenologiya geograficheskikh obrazov* (Phenomenology of Geographical Images). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (46), 255–275. (In Russian)].
- Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–258. [Maiga, Abubakar A. (2014) *Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra* (Literary Travelogue: the Specifics of the Genre). *Filologiya i kul'tura*, 3 (37), 254–258. (In Russian)].
- Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: Монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2013. [Milyugina, Elena G., Stroganov (2013) *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestvii*. Monografiya (Russian Culture in the Mirror of Travel. Monograph), Tver': Tverskoj gosudarstvennij universitet. (In Russian)].
- Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М: Наука, 1993. [Podoroga, Vladimir (1993) *Metafizika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX–XX vv.* (Metaphysics of Landscape. Communicative Strategies in the Philosophical Culture of the XIX–XX centuries). М.: Nauka, (In Russian)].
- Розанов В. В. Русский Нил. М.: Директ-Медиа, 2015. [Rozanov, Vassilij V. (2015). *Russkij Nil* (Russian Nil). Moscow: Direkt-Media. (In Russian)].
- Штайнке К. Записки Августа фон Коцебу о Тобольске начала XIX в.: к восприятию Сибири немцами // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 71–82. [Shtainke, Klaus (2015) *Zapiski Avgusta fon Kotsebu o Tobol'ske nachala XIX v.: k vospriyatiyu Sibiri nemtsami* (Tobolsk in August von Kotzebue's Sketches: on the Perception of Siberia by Germans). *Quaestio Rossica*, 1, 71–82. (In Russian)].
- Ямпольский М. Б. О близком (Очерки немиметического зрения). М.: Новое литературное обозрение, 2001. [Yampol'skii, Michail B. (2001) *O blizkom (Ocherki nemimeticheskogo zreniya)* (About the Close (Essays on Non-mimetic Vision)). Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije. (In Russian)].
- Appleyard, Donald, Lynch, Kevin, Myer, John (2017) The View from the Road. In David Lowenthal (ed.) *Environmental Perception and Behavior*. Chicago: Un-ty of Chicago, 75–85.
- Bassin, Mark (1991) Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century. *The American Historical Review*, Vol. 96, 3, 763–794.
- Bassin, Mark (1999) *Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: The Map-Edition.
- Bell, Duncan S. A. (2003) Myths Capes: Memory, Mythology, and National Identity. *British Journal of Sociology*, Vol. 54. 1, 63–81.
- Ďurišin, Dionýz (1984) *Theory of Literary Comparatistics*; trans. by Jessie Kocmanová. Bratislava: Slovak Academy of Sciences.

- Ďurišin, Dionýz (1992) *Čo je svetová literatúra?* (What Is World Literature?). Bratislava: Obzor. (In Slovakian).
- Gilbert, Richrd (2021) The Idea of the Region. *Geography*. Vol. 45, 3, 157–175.
- Greimas, Algirdas Julien (1983) *For a Topological Semiotics*. Gottdiener M. & A. Ph.
- Heidegger, Martin (1983) *Aus der Erfahrung des Denkens*, Bd.13. Frankfurt am Main: Fischer-Verlag. (In German).
- Jackson, Richard H., Hudman, Lloyyd E. (1990) *Cultural Geography: People, Places & Environment Sankt Paul*. San-Francisco: West Publ. Co.
- Portugali, Juval (1990) Social Synergetic, Cognitive Maps and Environmental Recognition. In H. Haken, M. Stadler (eds). *Synergetic on Cognition*. Berlin: Springer, 379–392.
- White, Naomi R. & White Peter B. (2004) Travel as Transition. Identity and Place. *Annals of Tourism Research*, Vol. 31, 1, 200–218.

Источники фактического материала / Factual information sources

- Кюстин А., *de* Россия в 1839 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/rossiya-v-1839-godu-read-92559-1.html> (дата обращения: 20.11.2023) [Kyustin, August, de. Rossiya v 1839 godu (Russia in 1839). Retrieved from <https://www.rulit.me/books/rossiya-v-1839-godu-read-92559-1.html> (mode of access: 20.11.2023). (In Russian)].
- Kotzebue, August von (1989) *Das merkwürdige Jahr meines Lebens. Als Verbanner in Sibirien*. Zürich. (In German).